

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147>
<https://elibrary.ru/YEVFIC>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2023. И. Ю. Смирнова
Костромской государственный университет
г. Кострома, Россия

**«Просвещение» или «обогащение»:
о ценностях и состоянии русского пореформенного общества
в цикле А. И. Эртеля «Записки Степняка»**

Аннотация: В статье рассматривается идейное и художественное своеобразие книги очерков А. И. Эртеля «Записки Степняка». Анализируются основы организации целостности всего сборника, осмысляются мировоззренческие взгляды писателя, проясняется соотношение позиции автора и повествователя в книге. В работе подчеркивается, что Эртелю нередко приписывали крайние народнические взгляды, но писатель видел задачу отнюдь не только в помощи народу, но в оздоровлении и преобразении всего русского общества, русской жизни, уверенно и быстро терявшей нравственный стержень и высокие моральные образцы. Автором статьи осмысляются основные мотивы книги очерков и принципы организации системы персонажей в ней. Описывается и на основании писем Эртеля к современникам, его рассуждений характеризуется отношение Эртеля к русскому народу, основным проблемам русской пореформенной жизни.

Ключевые слова: А. И. Эртель, книга очерков, художественная целостность, народ, народники, пореформенное время, образ повествователя, система мотивов.

Информация об авторе: Смирнова Ирина Юрьевна, аспирант, Костромской государственный университет, ул. Дзержинского, д. 17, 156005 г. Кострома, Россия.

E-mail: Irisbaltsan@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 30.07.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 21.08.2023

Дата публикации статьи: 25.09.2023

Для цитирования: Смирнова И. Ю. «Просвещение» или «обогащение»: о ценностях и состоянии русского пореформенного общества в цикле А. И. Эртеля «Записки Степняка» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 124–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 3, 2023, pp. 124–147. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 3, 2023, pp. 124–147. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Irina Yu. Smirnova

Kostroma State University

Kostroma, Russia

**“Enlightenment” or “Enrichment”:
About the Values and State of Russian Post-reform Society
in A. I. Ertel’s Series “Notes of Stepyak”**

Abstract: The article examines the ideological and artistic originality of the book of essays by A. I. Ertel “Notes of Stepyak.” It manifests itself in the fundamentals of organizing the integrity of the entire collection, the writer’s worldview, and the relationship between the position of the author and the narrator in the book. The work emphasizes that Ertel was often credited with extreme populist views, but the writer saw his task not only in helping the people, but in the improvement and transformation of the entire Russian society, Russian life, which was confidently and quickly losing its moral core and high moral standards. The author of the article comprehends the main motifs of the book of essays and the principles of organizing the system of characters in it. Ertel’s letters to his contemporaries, his reasoning allow to describe and characterize writer’s attitude towards the Russian people and the main problems of Russian post-reform life.

Keywords: A. I. Ertel, book of essays, artistic integrity, people, populists, post-reform times, image of the narrator, system of motifs.

Information about the author: Irina Yu. Smirnova, graduate student, Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky St., 156005 Kostroma, Russia.

E-mail: Irisbaltsan@mail.ru

Received: July 30, 2023

Approved after reviewing: August 21, 2023

Published: September 25, 2023

For citation: Smirnova, E. V. “‘Enlightenment’ or ‘Enrichment’: About the Values and State of Russian Post-Reform Society in A. I. Ertel’s Series ‘Notes of Stepyak.’” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 3, 2023, pp. 124–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147>

Творческий взлет А. И. Эртеля (1855–1908), прожившего недолгую и полную переживаний и сомнений жизнь, приходится на последнюю четверть XIX в. — время активной реформаторской деятельности, народных волнений и глобальных перемен в общественной жизни, социальном устройстве. А. И. Эртелю было суждено не только лично преодолеть многие трудности жизни в России пореформенного периода, но и увековечить в своем творчестве разрушение прежнего общественного порядка, обесценивание идеалов отцов и обновление общественной мысли. Эртель не понаслышке знал о тяготах простого человека, о сложности крестьянской жизни, которая, несмотря на отмененное крепостное право, часто оставалась существованием в социальном низу — абсолютной непросвещенности, отсутствии медицинской помощи и пр.

Действительная ситуация складывалась так, что при всем своем огромном стремлении помочь простому народу Эртель не мог этого сделать. Писатель поставил в творчестве массу вопросов, найти ответы на которые в переходное время не всегда представлялось возможным. Обращаясь к В. Г. Черткову, с которым Эртель был хорошо знаком, немало общался, в письме от 16 августа 1892 г. он писал: «Время наше представляется мне мучительно трудным и загадочным; те или иные решения задач мало удовлетворительными. То, что все идет к лучшему, в это я еще верю, но путь к этому лучшему сопряжен с необыкновенными отклонениями к худу, — это тоже верно» [Письма: 290].

По сути дела, этой цитатой из письма Эртеля можно описать тональность всего его творчества, складываемую из постоянного стремления к лучшему, неустанной борьбы и череды разочарований, сомнений, драматических происшествий. Сложно не согласиться с М. О. Гершензоном, который тонко подметил деятельное начало в писателе, не давшему ему опускать руки. Вместе с тем исследователь писал, что начало творческого пути Эртеля было сопряжено с наиболее активной

позицией, стремлением понять причины людских бед и страданий: «Вопрос об изначальной силе, движущей мир, и окончательной цели этого движения, он оставляет без рассмотрения. Был момент, в самом начале его исканий, когда этот вопрос встал пред ним во всей своей остроты; он спрашивал себя: зачем зло и страдание в мире, для чего нужно Богу терзать все живущее такими несказанными муками? И тогда обычный выход — смирение перед неведомым, перед видимым, бессмыслием истории — казался ему нелепостью; тогда он на минуту почувствовал, что в этом вопросе — все, что, не решив его, нельзя жить. — Но только на минуту; такие натуры не утопают в метафизике» [Гершензон: 5].

Своеобразные качели между стремлением решить остро стоящие вопросы насущной жизни и понимаем невозможности их однозначного разрешения читатель видит уже в книге очерков Эртеля «Записки Степняка». Сам писатель, и в шутку и всерьез в 1890-е гг. резко отзываясь о своей первой книге очерков, отмечал, что именно она принесла ему настоящую известность. Отдельные очерки будущего сборника выходили с января 1880 г. в журналах «Вестник Европы», «Русское богатство», «Дело». А полное их собрание вышло отдельным изданием в 1883 г.

Цель данной работы заключается в попытке прояснить особенности изображенных Эртелем картин народной жизни, а также обосновать специфику художественной целостности цикла «Записки Степняка». В последние 10 лет в науке о литературе появился ряд интересных статей и научных изданий о творчестве Эртеля, в том числе о «Записках Степняка». Внимание исследователей направлено не только на языковые особенности текстов Эртеля, но и на анализ композиции его книги [Андреева 2013], осмысление видения писателем русской пореформенной деревни [Иванов], использования им традиций классиков [Кулагина], понимания ключевых образов «новейших времен» [Ковалева]. Вместе с тем до конца не проясненным и спорным остается соотношение позиции автора и повествователя в книге. Эртелю нередко приписывают даже крайние народнические взгляды, между тем, по нашему мнению, писатель видел свою задачу отнюдь не только в помощи народу, но в оздоровлении и преобразении всего русского общества, русской жизни, уверенно и быстро терявшей нравственный стержень и высокие моральные образцы.

В письме М. Н. Чистякову от 10 августа 1881 г. Эртель писал: «...Меня гораздо более интересует участь интеллигенции и трагиче-

ский характер ее отношений к народу, чем самый народ с своим “обычным правом и бытовыми формами”. С этой стороны, ей Богу, мужик уже достаточно прошпигован» [Письма: 41]. Как мы постараемся показать в данной статье, уже в «Записках Степняка» Эртель пронизательно почувствовал, что беда русской жизни конца XIX в. заключается в повсеместном крушении идеалов, в отсутствии у людей прочных ориентиров движения и надежной системы ценностей, уверенности в завтрашнем дне. Эртель понимал всю утопичность воззрений славянофилов, пытавшихся обратиться в прошлое, к народной общине, писавших об удивительных исконных качествах русского мужика. Писатель очень хорошо проиллюстрировал, что в условиях новых взаимодействий с собственниками простой народ или становился однозначной жертвой и погибал, или получал новую закалку выживания, связанную с приобретением цепкой хищнической хватки, исключающей все лучшие человеческие качества. Мы считаем, что уже в книге «Записки Степняка» Эртель смог воплотить ключевую идею своего творчества, в которой он видел основу правильной и мудро устроенной жизни. В. Г. Андреева отмечает: «С долей условности можно сказать, что в творчестве каждого большого художника присутствует ключевая идея соответствующего объема и уровня. Центральной в творчестве Эртеля является идея смены поколений, передачи наследия, ценностей и жизненного опыта» [Андреева 2020: 109]. Полностью соглашаясь с исследовательницей, отметим, что формулируя подобную идею, Эртель в то же время был глубоко разочарован. Он не находил в русском обществе возможностей для массового просвещения и воспитания народа, для формирования того морально-нравственного ядра, которое и стало бы основой национального будущего. Вместе с тем, далеко в прошлое ушла дворянская идея передачи фамильного наказа беречь честь смолоду.

В литературоведении встречается мнение о том, что писатель, спустя буквально десять лет после выхода книги, стал относиться к ней скептически. На самом деле, если Эртель в конце 1880-х и в 1890-е гг. и писал что-то критическое о «Записках Степняка», то это касалось исключительно формы очерков, но не их содержания.

Так, В. Г. Чертков спросил как-то Эртеля, можно ли взять что-то для публикации в «Посреднике» из «Записок Степняка». 25 июля 1888 г. Эртель писал Черткову: «Но дать вам совет, что именно годится для “Посредника” из моих “Записок степняка”, ей Богу затрудняюсь. От них из-

рядно “воняет литературой”, как сказал когда-то Тургенев, отзываясь о романах французских реалистов. Много там описаний, много ненужных, чисто субъективных настроений и чувств. Одним словом, музыка рассчитана на “воспитанное” или, по вашему, на “испорченное” ухо. Это я говорю о форме. Что касается содержания, то я, разумеется, и теперь не отступлюсь от него, потому что, мне кажется, чувства оно должно возбуждать добрые. Из всех “Записок степняка” любимый мой рассказ — “Офицера”, но и он вряд ли пригоден для “Посредника» [Письма: 71].

Конечно, в данном случае нужно учитывать адресата письма Эртеля и его просьбу. Чертков искал материал для народного чтения, поэтому рассуждения самого Эртеля о субъективных настроениях и чувствах в книге уместны тут именно потому, что малограмотный читатель из народа вряд ли был способен к пониманию той музыки, которая была рассчитана на воспитанную публику.

Дело было еще и в том, что и современники Эртеля — критики и писатели, и литературоведы XX в. хоть и отзывались нередко положительно об очерках, однако не смогли по достоинству оценить всю книгу, ее целостность. Не случайно 15 октября 1889 г. Эртель писал В. А. Гольцеву: «И еще, если пошло на откровенность: иногда я удивляюсь, как это случилось, что “Записки Степняка” доставили мне, хотя и не ахтикакое, но всетаки имя. ... По совести говоря, я склонен приписать весь эффект “мыслям добрым”, остальное же — от лукавого...» [Письма: 175].

М. Е. Салтыков-Щедрин готов был принять к публикации очерки Эртеля. 25 февраля 1884 г. он писал: «Многоуважаемый Александр Иванович. Хотя Вы и возвестили мне приезд Г. И. Успенского, но он не был. Рассказы я Ваши прочитал и охотно помещу их в апрельской книжке, ежели Гаршин не доставит к сроку обещанной им работы. В противном случае (так как места не будет) я отложу печатание до мая» [Салтыков-Щедрин: 287]. П. В. Засодимский и Н. Н. Златовратский, оставившие небольшие воспоминания об Эртеле, считали книгу «Записки Степняка» одним из знаковых рубежей в жизни писателя, который открыл его имя публике. П. В. Засодимский писал: «В конце 70 гг. А. И. Эртель переселился в Петербург. Тогда в “Вестнике Европы” появился ряд его прелестных рассказов под общим заглавием “Записки Степняка”. Эти рассказы своею образностью, живым описанием при-

роды, изяществом и мягкостью тона сильно напомнили тургеневские знаменитые “Записки охотника”. Эртель скоро был замечен читателями и критикой. Редакция “Вестника Европы” очень дорожила им, как талантливым молодым писателем» [Засодимский]. Н. Н. Златовратский справедливо отмечал, что «Записки Степняка» стали первым и при этом одним из характерных произведений писателя, отразившим его стиль и натуру: «В личных отношениях, которые между нами ограничивались тогда отношениями доброго знакомства, он мне тогда нравился своим мягким, тактичным и дружелюбным отношением к товарищам, к которому, однако, всегда примешивалась доза как бы некоторой добродушно-скептической иронии. Эта черта, по-видимому, глубоко лежала в его натуре и объяснялась, надо думать, преобладанием в нем несколько практического взгляда на людские отношения, быть может, воспитанного в той сурово деловой сфере (крепостнического строя жизни), в которой прошло его детство. Кто читал его “Записки Степняка” — это наиболее характерное для его творчества, наиболее ценное и непосредственное из его произведений, тот не мог не заметить, насколько все оно было проникнуто этим настроением. Впрочем, это его обычное настроение не мешало ему тогда относиться все же с сочувствием к тем проявлениям идеалистических стремлений, которыми так беззаветно жило тогдашнее молодое поколение» [Златовратский].

Друзья и знакомые Эртеля проницательно чувствовали значение его книги, однако глубинного объяснения позиции писателя, выраженной в этом сборнике очерков, в воспоминаниях современников нет. При этом о «Записках Степняка» по факту их выхода было высказано и немало негативных, отрицательных отзывов.

В «Русской мысли» была опубликована статья с решительным неприятием и стилия, и сути книги, в которой отмечались исключительно минусы сборника очерков и постоянные длинноты в описаниях: «Читая эти бесконечные упоения разными затхлостями, нам не раз приходило в голову: а что, если б автор выкинул многоречивые описания природы и своих ощущений, его два солидных тома непременно должны бы были похудеть до тощей брошюры... И едва ли бы от такого сокращения что потерял читатель, тем более, что автор и в своих описаниях, и в ощущениях нередко повторяется...» [Некрасова].

В критической статье «Письма постороннего в редакцию “Отечественных записок”» Н. К. Михайловский дал отрицательную оценку

образу главного героя «Записок Степняка». По его мнению, Батури́н представлен личностью неполноценной, склонной к эмоциональной нестабильности и в жизни неопределившейся: «Степняк имел чрезвычайно неровный характер и беспричинно <...> переходил от ужасного настроения к возбужденному и наоборот» [Михайловский: 856]. Также Михайловским отмечено, что вступительная глава «Знакомство с Батуриным» достаточно посредственно раскрывает суть биографии героя и читателю «решительно не видать того, что хотел уяснить современникам степняк» [Михайловский: 856]. Критически отнесся автор статьи и к обилию лирических отступлений в контексте повествования. Открыто иронизирует Михайловский над некоторыми «слабыми местами» книги очерков: «Только такой, поистине несносный человек, может так приставать к читателю: солнце сияло уже, когда я встал, встал я с левой ноги, потом переступил на правую, а солнце все шло свои живительные, ласкающие лучи: потом я постоял немного на обеих ногах сразу... Помилосердствуйте, господин степняк! Ведь до всего этого решительно никому нет дела» [Михайловский: 858]. Остается недоволен критик и авторской спецификой в изображении действующих лиц. Михайловский отметил, что Эртель «дает целую коллекцию фигур, долженствующих быть типами, и которые, однако, геометрически правильны, слишком инструментованы», и даже сравнивает их с деревянными фигурами [Михайловский: 866]. Однако критик подчеркнул и глубину познаний автора в вопросах народной жизни, умения уловить и передать читателю её самобытность: «<...> иначе, как с благодарностью, нельзя относиться к нему за то, что он останавливает внимание своих читателей на действительно важных вопросах народной жизни» [Михайловский: 865].

Очень интересно, что некоторые современные исследователи солидарны с негативными оценками книги Эртеля и позицией Н. К. Михайловского. Так, весьма принципиальной и рациональной критику Михайловским книги Эртеля считает А. И. Иванов. Исследователь пишет: «В переходное время в произведении молодого художника не оказалось правдивого и типического изображения общества, картина преформенной жизни России получилась излишне пестрой, “разговоры с природой были бесплодные”; мужики, напоминающие тургеневских, являются, скорее, карикатурой, чем каким-либо обобщением. Скажем сразу, что в “Записках Степняка” Эртель действительно не дает крупно-

го цельного образа крестьянина — да такую задачу в силу избранного жанра он перед собой и не ставил — перед нами многокрасочная мозаика характеров, несущих определенный социально-этический заряд» [Иванов: 665]. Примечательно, что А. И. Иванов правильно подмечает многие вопросы, поставленные в книге Эртеля: «необходимость грамотности в деревне, место интеллигенции, причины пьянства мужика и др.». Однако исследователь отмечает, что сложно определить позицию повествователя книги: «В силу этого так непонятой и осталась позиция степняка Батурина (народник / не народник), от имени которого ведется повествование» [Иванов: 665].

По нашему мнению, сложность выявления позиции повествователя и писателя является одной из своеобразных сторон книги — Эртель (во многом, видимо, сознательно, а где-то и непреднамеренно) несколько завуалировал точки зрения — свою и Батурина. Сознательная сторона этой «игры» с читателем заключалась в том, что, во-первых, Эртель не хотел раскрыть реципиенту сразу все выводы и доводы, он стремился познакомить читателя с русской действительностью, ее проблемами, постепенно показать ему в деталях беды родной земли и людей, ее населяющих. Без видения противоречий и страданий обозначенная позиция повествователя и автора были бы головными, рассудочными. Во-вторых, как мы уже заметили выше, Эртель не стремился обозначить свою позицию или позицию Батурина исключительно по улучшению жизни одного слоя или класса — в задачи его входило представление о выработке формулы и образцов жизни для всего русского общества. Непреднамеренная сторона в отсутствии четко сформулированных и ранжированных выводов заключалась в том, что Эртель готов был сделать только заключения об увиденном, но не поручиться за изменение, трансформацию действительности, в которой он не находил собственно того, что было необходимо для дальнейшего гармоничного движения вперед.

В книге Эртеля чрезвычайно важно увидеть внутренние смыслы, которые способствуют ее единству и позволяют постигнуть недостающие характеристики и стороны русской жизни. В. Г. Андреева в статье «Художественный мир книги очерков А. И. Эртеля “Записки Степняка”» отмечает, что образы героев книги Эртеля не просто разбросаны мозаикой по сюжету, а искусно вплетены в повествование: «Двадцать очерков Эртеля объединены в книгу благодаря единому образу рас-

сказчика-повествователя, общей тематике, а также множеству присутствующих в ней отступлений, которые способствуют не распадению общего художественного целого, а, наоборот, его созданию» [Андреева 2013: 93]. Исследовательница справедливо считает, что «сложность и противоречия заключаются у Эртеля в нескольких измерениях» — в столкновении людей разных поколений, соотнесении их ценностей, в стремлении автора передать богатство и разнообразие народных характеров, сформированных в степной стороне [Андреева 2013: 94].

Особого внимания заслуживает тот факт, что очерки в «Записках Степняка» расположены не хаотично, при их расположении автор придерживался определенной закономерности. Так, в сборнике наблюдается группировка действующих лиц по социальным классам, причем автор исключает повторения в их очередности. Например, если в повести «От одного корня» главными героями выступают крестьяне одной деревни — кулак Василий Мироныч, которого купцы и помещики звали «серым министром», и нищий мужичок Трофим — ревностный поборник старого «дедовского» порядка, то в следующем очерке «Два помещика» Эртель обращается к истории взаимоотношений помещика Михрюткина и купца Карпеткина. Затем следует очерк «Мужичок Сигней и мой сосед Чухвостиков», в котором бывший крепостной Андрей Захарыч, скопивший во время работы управляющим на небольшой хуторок, становится объектом наживы для хитрого, льстивого и лицемерного мужика Сигнея. В очерке «Визгуновская экономия» представлены многочисленные образы крестьян имения Визгуновка. Преданный всей душой своим господам ключник Пантей Антипыч, горделивая красавица Ульяна, алчный и беспринципный сын приказчика Пармен и др. Таким образом, прием чередования социальных классов, к которым относятся персонажи, позволяет избежать в цикле идейно-смыслового повтора, но при этом раскрыть структуру социального устройства России пореформенного периода, особенности мировосприятия, а также многообразие нравов.

В большинстве очерков слабый персонаж взаимодействует с сильным. Причем сложным и многогранным, конечно, оказывается у Эртеля само понятие «силы». Писатель по сути дела реализует в многочисленных описаниях героев формулу «сильные мира сего», когда сила персонажей заключается в высоком и устойчивом социальном и финансовом положении. Такими предстают перед читателями образы

купцов и кулаков. В очерке «Два помещика» ведущим является образ господина Карпеткина — барина, успешного предпринимателя: «Сразу было видно, что это помещик, что называется, к обстоятельствам применившийся: жила и кулак» [Эртель: 86]. Умными и конструктивными кажутся нам и мысли его в отношении крестьянства: «<...> вы знаете мужика? Душу то его, подоплеку-то? Никто не знает. Не знает потому, что он, каналья, перед барином её не выскажет, душу-то, а норовит все обманом... Мужик для нас, для господ — центральная Африка... Америка ещё не открытая <...> с этой зимы непременно покупаю все эти книжонки, трактующие о мужике, и положительно засаживаюсь за них» [Эртель: 93]. Похвальным кажется нам стремление купца узнать суть простого мужика, его потребности и интересы, и даже «съесть с ним пуд соли». Но рушится идеальный образ господина Карпеткина, когда раскрывается мир его ценностей и приоритетов. «Рубль — вот идеал!» — провозглашает купец, превознося капитал выше культуры, искусства и даже выше любви и честности. Окончательно разрушает автор образ купца, казавшийся сначала идеальным, иронично описывая в финале рассказа как, едва проводит жену, господин Карпеткин с криком: «Ведь это девки в саду-то», бросается вниз с балкона [Эртель: 96]. Важным является риторический вопрос, который адресует повествователь современникам: «Действительно, прошло время господ Михрюткиных <...> Но кто же заменит их? Неужели господа Капреткины?.. И грустно становилось на душе...» [Эртель: 96]. Таким образом, автор дает читателю понять, что не одобряет власти капиталистов в обществе, выступает против их низких ценностей и желает другого будущего для России.

В очерке «Иностранец Липатка и помещик Гуделкин» «сильным мира сего» представляется читателю купец Липат: «Чумаковский хутор изобличал в хозяине и образцового дельца и крупного капиталиста» [Эртель: 411]. Во всем чувствуется твердая хозяйская рука и достаток. На каждом гумне пыхтят паровые машины, молотилки, длинными рядами выстроены различные новые орудия труда: жнейки, сеноворошилки, сеялки. Для рабочих выстроен флигель со столовой и даже баня. Кажутся рациональными читателю и мысли Липата о необходимости перемен в социальном устройстве России. Производить реформы он предлагает на основе опыта просвещенных стран Европы. В идеальной картине мира, обрисованной купцом, «мужик щеголяет

в ситцевой рубашке, бабы носят козловые ботинки. Фабриканты заводят школы. Дети бегают в кумаче и хором поют славословия <...> Частные хозяйства процветают благодаря машинному производству» [Эртель: 420]. Однако вся эта картина благополучия рушится, когда мы узнаем о реальных планах коварного Липатки. В разговоре с отцом спадает маска общественного благодетеля и перед нами предстает бесчувственный коммерсант, озабоченный лишь жадной наживы: «Липат действительно перестал финтить. Кратко и сжато обрисовал он старику положение дел. Народ бедствует и голодает. Земли истощены. На миру идет разладица. И самый раз дать мужику работу. Он пойдет за всякую дешевку, особливо зимой» [Эртель: 426]. «Коварный и расчетливый замысел нового хозяина жизни постепенно раскрывается, но противостоять ему уже никто не может, “поле битвы” остается за ним. Безусловно, он энергичен и трудолюбив, но вместе с тем эгоистичен и жесток. Будучи выходцем из крестьянской среды, Липатка расценивает свой успех как социальный реванш, как победу над дворянским сословием, над “господами”, у которых его предки были крепостными» [Ковалева: 91].

Однако очень часто у Эртеля сила духовная оказывается выше жизненных тягот и лишений. Самые бедные и обездоленные герои становятся носителями истинных ценностей, поражают глубиной своей души. В очерке «Под шум вьюги» мужичок Григорий соглашается за два рубля сопроводить заплутавшего в страшной метели Степняка. Загнанный в глубокую нужду, несчастный человек готов рисковать жизнью, чтобы прокормить свою семью. Впечатляет теплота чувств, которую мы видим в сценах общения Гришки со своей женой Аришей. Несмотря на низкий социальный статус, между ними сохранились поистине духовно высокие отношения. В очерке «От одного корня» нищий мужичок Трофим выступает «усердным хранителем и ревностным поборником старого “дедовского” порядка» [Эртель: 68]. Общественное начало, мир, были для Трофима своего рода святыней: «Мир — великое дело... чтоб, значит, сообща... по правде... без обиды» [Эртель: 69]. Высокая духовность его заключается в любви к ближнему, к миру, подсознательному стремлению к всеобщему равенству и справедливости. В очерке «Мужичок Сигней и мой сосед Чухвостиков» в противоположность алчности отца Сигнея представлен образ его сына Митрохи: «...отцовского духа, — духа лицемерия и лжи, не было за-

метно в его красивых чертах» [Эртель: 115]. Для него справедливость выше финансовой выгоды, жизнь в ладу с миром ценнее материального блага. Такими многогранными предстают перед читателями картины нравов общества России пореформенной эпохи.

Эртель использует прием скрытого сравнения героев, их положений, ценностей и характеров, тем самым подчеркивая их сильные и слабые стороны. Данный прием позволил автору также запечатлеть противоречивость самой эпохи, разделившей общество на четкие социальные пласты.

Яркую антитезу в крестьянских образах мы видим в рассказе «От одного корня», где Эртелем представлены выходцы из одной среды, одной деревни — кулак Василий Мироныч и бедняк Трофим. Но не только богатство и бедность противопоставляет автор в этих образах. Идеи, взгляды на жизнь и ценности героев оказываются противоположны. «Серый министр» Василий Мироныч — преуспевающий коммерсант, сторонник нового порядка и власти капитала, «блажной» Трофим — усердный хранитель и ревностный поборник “дедовского” порядка» [Эртель: 68].

На множестве примеров в книге очерков Эртель показывает, что капиталы без образования и воспитания, без меры и внутренней гармонии действуют на человеческую личность разрушительно.

В очерке «Поплёшка» нищий мужичок Поплёшка, уповающий на Божью милость и крестьянское терпение, противопоставлен богатому попу, забывшему о святости своего долга, отцу Агею, который использует смиренность крестьян в своих личных целях и спаивает их в своем кабаке. Так, смирение, глубокая религиозность и трудолюбие противопоставляются алчности, разврату и беспринципности. Однако было бы ошибкой думать, что Эртель только жалеет Поплёшку — выливаемая на него ненависть «сильных мира сего» передается им далее, вымещается на бедную и незащищенную лошадку. Эртель иллюстрирует, что мир, сосредоточенный исключительно на материальных ценностях, лишенный заботы о других, обречен на деградацию.

Помещик Гуделкин, переживающий о судьбе народа и уверенный в том, что приобщение к культуре спасет крестьян, противопоставлен образу купца Липата, желающего закабалить как можно больше мужиков и обмануть восторженного «Гуделку». Убежденный в том, что спасти Россию от гибели может только культура, добродушный Ири-

ней Гуделкин проводит в своем имении реформу: «Он воздвиг больницу, нанял фельдшера, устроил школу, расширил размеры пиршеств, задаваемых крестьянам, ссужал их и хлебом, и деньгами, и лесом. Он не упускал случая поговорить с лапотником о благодетельности культуры, причем иногда вводил этого лапотника даже в свой дом, где и обращал его внимание на удобство люстр и красоту обоев» [Эртель: 407]. Однако эти новшества не произвели никаких перемен в сознании крестьян, кроме особой почтительности и уважения к своему благодетелю мужики ничего не чувствуют. Действительно, важна ли лапотнику красота Гольбейновой Мадонны, если, покинув роскошный дом своего барина, он вынужден вернуться в свой убогий мир бедности, непросвещенности и бесконечного труда. Поэтому вынужден мужик «щупать корявыми пальцами шелковые драпри и тюлевые гардины», а после окунается в свою «первобытность» [Эртель: 407]. Создавая в воображении утопический мир счастливого крестьянства, Ириной Гуделкин не учел, что для просвещения народа, угнетенного многовековым рабством, недостаточно обращения к одной лишь культуре. Без базовых знаний устройства мира, финансовой грамотности, юридической защищенности невозможно становление благополучного общества. Зато успешно пользуется иллюзорной мечтой Гуделкина хитрый купец Липатка, обещающий создать в имениях ту самую утопию, о которой так мечтал добродушный помещик. Таким образом, в противовес сердоболю и желанию помочь выступила в очерке алчность.

Не только помещики, подобные Ириной Гуделкину, осознавали необходимость перемен в крестьянском мире. «Люди разного происхождения, разного уровня культуры и с очень разной жизненной судьбой думают о народе, стремятся помочь ему. Федя Лебедкин и Люба, получивший прекрасное образование генеральский сын Серафим Ежиков и брошенная офицером, не подозревающая о существовании различных методов обучения грамоте, не понимающая самого слова “метод” молодая учительница. Положение народа тревожит честных людей во всех кругах общества, зовет их к действию. Каждый из этих честных людей предоставлен самому себе, живет и действует в одиночку» [Билинчис]. Сельский учитель Серафим Ежиков покинул барский отчим дом и готов всецело посвятить себя служению народу: «Я уверяю, что нужнее-то всего мы именно в деревне, и там, только там наше настоящее место!» [Эртель: 237]. Свое призвание он определил как «роль кап-

ли, долбящей камень» и это дает ему примирение со своей совестью, а также веру, что крестьянский мир примет и услышит «кающегося дворянина». Однако благородный порыв молодого человека останется непонятым и непринятым простыми мужиками, для них он всего лишь «Миколаич», «душевный человек» и «блаженный». Действительно, одной лишь личной борьбы окажется недостаточно для исправления крестьянского сознания, угнетенного многовековым рабством. Только имея поддержку со стороны государственного аппарата, окажется возможным перестроить социальный уклад жизни. В очерке «Офицерша» роль народного просветителя выпала хрупкой женщине благородного происхождения. Как и Серафим Ежиков, офицерша наделена искренним сочувствием к тяжелой участи простого народа, любовью к нему и бескорыстным желанием помочь: «Познаний в ней было мало <...> Но все ее существо было переполнено страстным желанием: водворять грамоту в селах. В грамоте она чаяла спасение. Этого было довольно» [Эртель: 438]. С большой любовью отзывается учительница о простом люде: «<...> я от матери родной ласки такой не видала», восхищается крестьянскими ребятишками: «О какие смышленные эти ребята! И вы не поверите, как они быстро понимают» [Эртель: 438]. Про благородных же она отмечает, что «пустота у них, вот что» [Эртель: 442]. Глубокое разочарование потрясает трепетную душу героини, когда узнает учительница, что мальчишка, обученный ею грамоте, записывает неустойки и штрафы своих односельчан. Ужаснувшись, что разведет тем самым кулаков, офицерша отказывается от своего призвания, а затем отказывается жить, принимая смертельную дозу морфия. Как и Серафим Ежиков, офицерша оказывается одинока в своем желании нести образование в народ. Не случайно народная мудрость гласит: один в поле не воин. Герои Эртеля вступают в неравный бой за просвещение угнетенных крестьян, но оказываются неспособными принять удар жизненных реалий, не получая настоящей поддержки и от народа, который они стремятся просветить.

Эртель показывает читателю, как происходит свержение прежних идеалов. Сокрушаясь, признается мужичок Трофим: «Куда-то ни поглядишь: все-то тебе грех... все-то тебе — содомушка... И как словно забыли, забыли, есть ли и божинька-то на небе... Тот грабит, тот разбойничает... И все, братец ты мой, какие-то холодные стали... словно железные они аль каменные <...> аль уж и взаправду последние де-

нечки пришли!.. Сын на отца... Брат на брата <...> Везде-то горяшко... везде-то смута» [Эртель: 73]. Сам писатель превыше всего ставил ценности христианские, в частности, базовыми для него были доброта и истина. «Нужно твердо запомнить вот что: борьба нужна только для торжества добра над злом <...> единственно-разумная и достойная цель борьбы — торжество истины, осуществление добра», — рассуждал Эртель в письме М. Н. Чистякову от 19 апреля 1889 г. [Письма: 151].

В эпоху «смуты» происходит подмена истинных ценностей ложными, что подчеркнул писатель в своих «Записках Степняка», однако, несмотря на растущий культ рубля как идеала, Эртель «видел недолговечность уже установившейся буржуазной эры, сменившей эру дворянскую» [Билинкис]. «Но вот в этом хаосе страстей, преступлений, отчаяния, вражды, насилия, смеха, слез, пыданий, крови, звуков оружия, проклятий; но вот в седой, смутно волнующейся пелене тумана, в которой происходит вся эта неистовая трагикомедия, — я вижу там и сям яркие точки света; и я вижу, что дальше, в тьме веков, эти точки света очень редки, едва заметны, и ближе сюда к моей горе — они чаще и заметнее. И я вижу, что свет вокруг каждой точки сливается с светом другой точки, и таким образом, что ближе к горе этот ряд точек становится похожим на млечный путь. И затем я вижу, что там, где светлется, народ идет в лучшем порядке: меньше криков, проклятий, крови, слез, меньше звука оружия и его зловещего блеска...» [Эртель: 92]. Так, не взирая на трудности жизни, Эртель верил в торжество добра, справедливости и истины, призывая к этому и своих читателей.

В. И. Кузнецов отмечал, что очерки «создавались в период нарастания, а затем резкого спада народническо-революционного движения, что во многом и обусловило их разнохарактерную общественную температуру». «Главные персонажи “Записок Степняка” — типы социально-психологические. Под напором “чумазого” деревня расслаивается: помещики-аристократы теряют свой лоск, уступая место оборотистым кулакам, мужик впадает в крайнюю нищету, попу молятся новому богу — чистогану, разночинцы-демократы теряют веру в народнические идеалы, либералы избалтываются...» [Кузнецов: 9]. Используемый автором социально-психологический подход в изображении персонажей обусловил выбор особой системы художественных мотивов, также позволяющих говорить о целостности цикла.

Основным становится в книге мотив свободы. Именно он связующей нитью проходит сквозь все произведения цикла. В речи героев повестей Эртеля крестьянская реформа фигурирует как «воля». Не случайно крестьяне определяют реформу такими абстрактными понятиями, ведь для большинства из них стратегия, деятельность и цель реформаторов так и останутся непонятны. Должная работа над исправлением крестьянского сознания так и не будет проведена, народу не останется ничего другого, как просто принять условия новой жизни и адаптироваться под ее новые правила. В очерке «Мои домочадцы» повествователь так описывает, казалось бы, счастливый и долгожданный для крестьян момент обретения свободы: «Получился манифест, прочитался, более или менее бестолково, полуграмотными сельскими попами с высоты амвона — и, разумеется, либо окончательно не уразумелся, или понялся в так называемом “превратном смысле”» [Эртель: 200]. Долгожданная реформа не принесла должного облегчения крестьянскому народу. Необходимость выкупа земли у помещика, зачастую непригодный для земледелия дарственный надел, а также сохранение барщины и оброка усугубляли финансовые проблемы крестьян. «Ограбление крестьян помещиками, отрезавшими у них лучшие земли, непомерно высокие выкупные платежи, а также другие повинности, политическое бесправие крестьянских масс в условиях сохранения самодержавно-дворянского строя — все это обрекало крестьянство на нищенское существование, обуславливало деградацию крестьянского хозяйства» [Зайончковский: 299]. Многочисленные попытки крестьян отстоять свои права на свободу и обещанную землю жестоко пресекались. В качестве наказаний восставшие подвергались публичной порке розгами и ссылкой. Таким образом, крестьянство, ограбленное реформой, оказалось в невыгодном экономическом положении, не имея возможности что-либо изменить. Многие признавались, что жизнь до реформы была лучше. Морально крестьяне также не оказались готовы к жизни свободной от барства. Многовековое крепостное право сформировало в людях устойчивое рабское сознание, передаваемое из поколения в поколение. В рассказе «Поплёшка» пользуется бесправным положением мужиков алчный поп отец Агей, сколотивший за счет их труда состояние: «В кабале мы у него, матушка! Как лето придет, он нас и забирает: того на покос, того на возку, того на молотьбу... Поп гордый,

поп богатый. Поп не то, чтоб спуску давать, а всячески в оглоблю норовит нашего брата <...> Человек тяжелый, немилосердный человек» [Эртель: 316]. Поражает смиренность, с которой Поплешка и другие мужики терпят над собой самодурство отца Агея: «Хе, хе, хе... А поди-ка пожалуйся на него... Попытайся-ка. Он тебе, брат, таких... Он тебе таких засыпет!... Нет, нет, матушка, жалоб чтоб, — не было. Поп он гордый, не любит жалоб» [Эртель: 317]. При этом мужик даже не в состоянии объяснить, что такого может им сделать поп, не имеющий на их труд никаких прав. Поплешка и другие крестьяне просто подчиняются его воле, не имея ни гордости, ни уверенности в своей неприкосновенности. «Мы довольны, — заметил он после некоторого молчания, — поп он жестокий, а мы им довольны. Он вызволяет нас. Работаеть ему — он рад. Он работу помнит — придешь к нему, сейчас он тебе водки... Добрейший поп!.. Кабак-то у него совой» [Эртель: 317]. Таким рисует нам автор психологический портрет освобожденного крестьянства.

Привычка быть собственностью сформировала у простых мужиков устойчивое рабское сознание. Отсутствие ощущения ценности своего труда привело к тому, что Поплешка (и подобные ему) готовы браться за любую работу буквально за стопку водки. Наличие хозяйна-барина давало ощущение стабильности, а значит и защищенности. Привычный уклад жизни, хоть и угнетенной рабским положением, был понятен простому мужику. Новое же положение свободного человека открывало дверь в неизвестность, а значит, вызывало страх, так свойственный человеческой натуре, пасующей перед чем-то новым: «Всякому свой предел положон, ежели ты, значит, купец, ну — торгуй, барин — землей владей... А уж как ты хрестьянин, так хрестьянином и будь... Чтоб, к примеру, как Христос-батюшка повелел... Он, батюшка, претерпел — и ты терпи», — такой философии жизни придерживался Трофим в рассказе «От одного корня» [Эртель: 71]. «Мужик — ну, мужицкое дело и исполняй... Знай свою соху!» — говорит крестьянин Митрофан в очерке «Мужичок Сигней и мой сосед Чухвостиков», полностью принимая выпавшую ему долю и смиряясь с ней [Эртель: 97]. Вторит этому смирению и «забитый народ» в рассказе «Мои домочадцы»: «Что-де прикажут, то и будем делать» [Эртель: 200]; старик Онисим в очерке «Земец» удивленно восклицает: «И как же это [перед господином] шапки не ломать?» [Эртель: 256].

Лишь в некоторых из очерков книги герои решаются открыто заговорить о «воле», при этом наделяя это понятие негативной коннотацией: «Да все воля эта, пусто бы ей», — говорит герой рассказа «Под шум вьюги» крестьянин Андреян Семёныч [Эртель: 29]. «Горькие времена! <...> Один нам конец — умирать!» — подтверждает нищий мужичок Поплёшка [Эртель: 321]. Это чувство обреченности простого народа, запечатленное Эртелем, обуславливает мотив конца, также присущий всем очеркам цикла. Важно отметить, что отчаянное положение простого народа, загнанного в нужду, приоритет власти капитала над христианскими ценностями, нравственное разложение общества порождают в душе повествователя чувство глубокой тоски. Каждый очерк цикла заканчивается ощущением подавленности Батурина, разочарованием и желанием скорее вернуться в свое имение, однако он и там не чувствует себя спокойно.

Т. В. Кулагина, сравнивая книги «Записки охотника» Тургенева и «Записки Степняка» Эртеля, отметила: «Если у Тургенева безрадостные картины природы нацелены на изображение общенациональной дисгармонии, связанной с уродующим живую жизнь крепостничеством, то у Эртеля такой конкретизации нет, пейзаж у него призван создать обобщенное настроение неизбывной деревенской скуки» [Кулагина: 81].

Мотивом тоски пропитано начало практически каждого очерка. Герой томится дома, скучает, стремится уехать в гости к кому-то из соседей, лишь бы избавиться от чувства тоски и щемящего душу одиночества. Однако и там Батурин не находит покоя своей метущейся душе. Даже перед смертью, как пишет автор, Батурин «обвел окружающих *тоскливым* взглядом» (курсив мой — И. С.) [Эртель: 10].

По нашему мнению, неизбывная тоска, которую постоянно испытывает Батурин, связана с его неспособностью видеть те «яркие точки света», которые находил в русской действительности Эртель. В отличие от Эртеля, энергичного и деятельного человека, выходца из низов, Батурин был наделен многими негативными чертами, характерными для русской интеллигенции, в том числе склонностью к чрезмерным и безосновательным рассуждениям, тягой в неведомые края, стремлением к перемене мест и одновременно неспособностью самостоятельно осуществить какой-либо глобальный переезд. Драма Батурина еще и в том, что он не имеет своего гнезда, ему некому передать свои познания

и опыт. Мотив одиночества сопровождает героя на протяжении всей сюжетной линии цикла.

Вторит чувствам и переживаниями героя-повествователя и горячо любимая им «степна сторона»: «...отчего же эта бесконечная ширь полей, эта уныло-однообразная равнина, где-где перемежаемая едва заметными возвышенностями, эти там и сям рассеянные села, хутора и усадьбы, этот убогий народ, — с таким непобедимым очарованием влекут меня к себе?» [Эртель: 16]. Степь — важный образ, помогающий автору связать двадцать очерков в единый цикл. «Обаяние родных мест соседствует у Эртеля с темнотой и непроглядностью ночи, умиротворение — с картинами разгула стихии», а мотив степи отождествляется автором статьи с образом всей России [Андреева 2013: 97].

Еще один важный момент, на котором необходимо остановиться, связан с объективностью автора и повествователя по отношению к героям описываемых историй. Среди персонажей очерков нет идеальных, образцовых героев. Эртель подчеркивает, что в каждом человеке есть недостатки и слабости, только одни герои признают их и борются с ними, другие же не обращают внимания на собственные промахи и грехи, а нередко и считают их достоинствами. В объективном отношении к народу проявляется родство автора с образом Степняка. Духовная и нравственная близость писателя с героем позволяет Эртелю создать взгляд на жизнь пореформенной России как бы изнутри. Писатель не ставил перед собой задачу изобразить героя (или антигероя) своего времени, он не выступает в роли разоблачителя, он, подобно летописцу, лишь фиксирует на бумаге обширную панораму судеб народа, оставляя за читателем право — решать, за кем была правда. Эта мысль подтверждается в монологе Батурина о жизни в конце пятидесятых годов. Задача же последующих поколений «подводить итоги». Этот несколько отстраненный взгляд на происходящие события роднит автора с его героем Батуриным. В письме В. Г. Черткову от 24 сентября 1885 г. Эртель признавался: «<...> вышло как-то так, что жизнь пошла мимо меня, а я стою себе особнячком и наблюдаю ее поверхностное движение» [Письма: 67].

Однако Батурин, будучи непосредственным участником описываемых историй, не является активной действующей силой в развитии сюжета. Он не вмешивается в судьбы героев, не подвергает анализу их мысли, чувства, решения, даже когда те явно ошибочны. В отличие от

Эртеля Батурина не только объективен, но и пассивен, равнодушен. Так, Батурин даже не пытается предостеречь об опасности обманутого мужиком Сигнеем своего соседа Чухвостикова, доверчиво соглашающегося продать овес вдвое дешевле рыночной цены («Мужичок Сигней и мой сосед Чухвостиков»). Соседа Гундрикова Батурин не пытается отговорить от сделки с хитрым мельником Лазарем Парамонымчем, разыгравшим с женой целую комедию, дабы впечатлить и расположить к доверию и щедрости несчастного Семена Андреевича. Присутствуя при явном обмане разомлевшего и подвыпившего своего соседа, Батурин не предупреждает его об опасности и не вмешивается в их сделку, хоть происходящее разочаровывает и угнетает его самого («Криворожье»). Эртель показывает неготовность Степняка к активному противостоянию злу, Степняк оказывается «непротивленцем» не по убеждениям, а по собственной усталости от жизни, апатии.

М. О. Гершензон, характеризуя мировоззрение Эртеля, отмечал, что важным для него было не пытаться сразу повернуть человека на путь истины, ведь это «значит только вызвать в нем раздражение, которое разъединяет людей и поэтому есть зло» [Гершензон: XV]. Подтверждается эта мысль в письме Эртеля М. Н. Чистякову от 19 апреля 1889 г.: «В условиях *личной* борьбы только, значит, и можно *убеждать и доказывать*, и в малой мере можно ставить противника в такие условия жизни, в среду таких впечатлений, которые, в свою очередь, могут видоизменить его взгляды в желательном смысле. Только и доступно *личной* борьбе. Борьбе общественной, исходящей от совокупности личных сил — от государства, доступно больше» [Письма: 151]. «Пессимизм Степняка — не форма отказа от общественной активности, — объясняет нам Я. С. Билинкис, — это результат осознания Эртелем и его героем-повествователем того, как сложны объективные обстоятельства, как недоступно решение важнейших жизненных вопросов, если исходить из одних лишь субъективных устремлений» [Билинкис].

Таким образом, цикл очерков Эртеля «Записки Степняка» представляет нам обширную панораму жизни России середины XIX в. Обладая глубокой симпатией к крестьянам, Эртель сумел передать не только настроения общества пореформенной эпохи, но и раскрыть читателю загадочную русскую душу простого мужика, показать предприимчивость и изобретательность вышедшего на первую ступень социальной лестницы купеческого класса, а также утрату лучших высоких образ-

цов культуры и образованности уходящей навсегда эпохи дворянства. Сборник очерков пронизывают многочисленные перекликающиеся мотивы, отражающие специфические настроения этого смутного для России времени. Созданная Эртелем сложная система персонажей, объединенная единым образом повествователя, призвана раскрыть не только экономические отношения людей разных социальных классов, но и своеобразие психологических типов, характеров, сформировавшихся в непростое время.

Список литературы

Источники

Засодимский П. В. А. И. Эртель. Из воспоминаний. URL: http://az.lib.ru/z/zasodimskij_p_w/text_1908_24_ertel.shtml (дата обращения: 20.07.2023).

Златовратский Н. Н. Из воспоминаний об А. И. Эртеле // http://az.lib.ru/z/zlatowratskij_n_n/text_0100.shtml (дата обращения: 20.07.2023).

Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. Т. 5. 476 с.

Некрасова Е. С. Записки степняка. Очерки и рассказы А. Эртеля. Два тома. С.-Пб. Издание О. И. Бакста. 1883 г. // Русская мысль. 1883. № 9. URL: http://az.lib.ru/n/nekrasowa_e_s/text_1883_zap_stepnyaka_oldorfo.shtml (дата обращения: 20.07.2023).

Письма А. И. Эртеля. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1909. 410 с.

Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 19. Кн. 2. 352 с.

Эртель А. И. Записки Степняка. М.: Худож. лит., 1958. 612 с.

Исследования

Андреева В. Г. Образ усадьбы и родной земли в повестях и романах А. И. Эртеля // Новый филологический вестник. 2020. № 1 (52). С. 107–119. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00009>

Андреева В. Г. Художественный мир книги очерков А. И. Эртеля «Записки Степняка» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 1. С. 93–97.

Билинкис Я. С. Творчество А. И. Эртеля. URL: http://az.lib.ru/e/ertelx_a_i/text_0040.shtml (дата обращения: 20.07.2023).

Гершензон М. О. Мировоззрение А. И. Эртеля // Письма А. И. Эртеля. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. III–XXIV.

Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. 368 с.

Иванов А. И. Русская пореформенная деревня глазами писателя и практика (А. И. Эртель и А. Н. Энгельгардт) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12-2 (104). С. 664–669.

Ковалева Т. В. Образ русского предпринимателя в произведениях А. И. Эртеля: историко-культурологический аспект // Известия Юго-западного государственного университета. 2013. № 6-1 (51). С. 87–92.

Кузнецов В. И. Энергия души не замирает: вступит. статья // *Эртель И. А.* Повести, рассказы. Воронеж: Центрально-черноземное кн. изд-во, 1984. С. 2–22.

Кулагина Т. В. Трансформация тургеневских традиций в прозе И. А. Салова и А. И. Эртеля // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15, № 2. С. 77–81.

References

Andreeva, V. G. “Obraz usad’by i rodnoi zemli v povestiakh i romanakh A. I. Ertelia” [“The Image of the Estate and Home Ground in Stories and Novels by A. I. Ertel”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 1 (52), 2020, pp. 107–119. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00009> (In Russ.)

Andreeva, V. G. “Khudozhestvennyi mir knigi ocherkov A. I. Ertelia ‘Zapiski Stepniaka.’” [“The Artistic World of the Book of Essays by A. I. Ertel ‘Notes by Stepnyak.’”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, vol. 19, no. 1, 2013, pp. 93–97. (In Russ.)

Blinkis, Ia. S. *Tvorchestvo A. I. Ertelia* [A. I. Ertel’s Creative Work]. Available at: http://az.lib.ru/e/ertelx_a_i/text_0040.shtml (Accessed 20 July 2023). (In Russ.)

Gershenzon, M. O. “Mirovozzrenie A. I. Ertelia” [“A. I. Ertel’s Worldview”]. *Pis’ma A. I. Ertelia* [Letters of A. I. Ertel]. Moscow, Tipografia Tovarischestva I. D. Sytina Publ., 1909, pp. III–XXIV. (In Russ.)

Zaionchkovskii, P. A. *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [Abolition of Serfdom in Russia]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 368 p. (In Russ.)

Ivanov, A. I. “Russkaia poreformennaia derevnia glazami pisatel’ia i praktika (A. I. Ertel’ i A. N. Engelgardt)” [“Russian Post-Reform Village through the Eyes of a Writer and Practice (A. I. Ertel and A. N. Engelgardt)”]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 12-2 (104), 2011, pp. 664–669. (In Russ.)

Kovaleva, T. V. “Obraz russkogo predprinimatelia v proizvedeniiakh A. I. Ertelia: istoriko-kul’turologicheskii aspekt” [“The Image of a Russian Entrepreneur in the Works of A. I. Ertel: Historical and Cultural Aspect”]. *Izvestiia Iugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 6-1 (51), pp. 87–92. (In Russ.)

Kuznetsov, V. I. “Energiia dushi ne zamiraet: vstupit. stat’ia” [“The Energy of the Soul does not Freeze: Introductory Article”]. Ertel’, I. A. *Povesti, rasskazy* [Novellas, Short Stories]. Voronezh, Tsentral’no-chernozemnoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1984, pp. 2–22. (In Russ.)

Kulagina, T. V. “Transformatsiia turgenevskikh traditsii v proze I. A. Salova i A. I. Ertelia” [“Transformation of Turgenev Traditions in the Prose of I. A. Salov and A. I. Ertel”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, vol. 15, no. 2, 2009, pp. 77–81. (In Russ.)